

О ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТОВ С РАЗНОЙ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ковалева А.И.

Белорусский государственный университет

Внутренняя форма слова (далее – ВФС), понимаемая чаще всего как морфонологическое свойство слова, символизирующее связь данного звучания с данным значением или данными стилистическими коннотациями [1], вызывает исследовательский интерес, так как хранит закодированные знания человека о получивших в языке наименования объектах действительности и является частью национальной культуры. Поскольку о национальной специфике языка говорят в силу его заметных отличий от другого языка, ВФС, как один из элементов таких различий в лексической сфере, может считаться лингвистическим показателем уникальности той или иной языковой культуры. Изучение ВФС лексем, номинирующих одни и те же реалии в близкородственных языках, особенно актуально, поскольку, несмотря на близость духовной и материальной культур, одни и те же объекты действительности в русском и белорусском языках именуются и, следовательно, рассматриваются их носителями под разным углом. Это делает изучение ВФС в сопоставительном аспекте необходимым для постижения языковых картин мира.

Тематическая классификация, как наиболее распространённый приём описания лексики, является «начальным и важным этапом в изучении системной организации единиц лексического уровня» [2, с.46]. При исследовании же лексического материала с заранее определёнными параметрами (в нашем случае – слова с различной ВФС в разных языках), она отражает, в каких сферах жизни человека искомое явление встречается чаще. Тематическая классификация слов с различной ВФС в разных языках в

связи со спецификой объекта исследования в рамках нашей работы представляет собой классификацию отдельных переводных пар ЛСВ.

Материалом для исследования послужил корпус конкретных существительных – межъязыковых семантических коррелятов русского и белорусского языков с разной ВФС, составленный методом сплошной выборки из Русско-белорусского словаря НАН Беларуси [3] и насчитывающий 763 пары переводных эквивалентов. Данный пласт лексики был выбран неслучайно: конкретные имена существительные составляют ядро категории предметности и отличаются от других номинативных единиц ярко выраженной идентифицирующей функцией, их семантика отображает субстанциональный, чувственно воспринимаемый образ обозначаемого [4, с. 336], что является важным при изучении ВФС. Выборка материала проходила без учёта тематического критерия, поскольку специфика объекта исследования не предполагает сосредоточения на какой-либо одной сфере жизни. Однако грамматические характеристики обработанных нами слов с различной ВФС несколько ограничили тематическое разнообразие материала. Сосредоточенность на конкретных существительных повлекла отсутствие таких тематических групп, как «состояние человека», «действия», «качества», и некоторых других. За основу классификации была принята тематическая классификация, предложенная Ровдо И.С. [5, с. 104], несколько трансформированная в процессе работы с учётом специфики материала.

Числовые данные в отношении переводной лексики с различной ВФС – очень ценный показатель, поскольку количественно отражают сферы наибольших различий ВФ в близкородственных языках, подчёркивают, какой из фрагментов действительности может восприниматься носителями данных языков по-разному. Как свидетельствуют наши количественные показатели, тематические зоны, в которых наиболее часто ВФ переводных пар различается, – это «Профессия, род занятий», «Дом, жильё, быт», «Характеристика человека» и «Растительный мир» (10,2%, 13%, 15,3% и 20% от общего количества проанализированных двуязычных пар соответственно).

Данные выводы несколько неожиданны, поскольку эти области жизни, безусловно, для русских и белорусов нельзя признать идентичными, однако во многом они сходны. Несмотря на это, бытовая сфера и человеческие отношения даже в близкородственных языках рассматриваются под разным углом. Как видно из ниже предложенных примеров, различаться слова с разной ВФС в двух языках могут также по своей принадлежности к активному/ пассивному словарю (примеры 1,2), стилистическим характеристикам (1, 2, 3, 4), отнесённости к определённой сфере употребления (5, 6); отношению к метафоричности (7): 1) рус. *лихоимец* – бел. *хабарнік*; 2) рус. *ложе* – бел. *пасцель*; 3) рус. *черноризец* – бел. *манах*; 4) рус. обл. *тельник* – бел. *ніжня кашуля*; 5) рус. обл. *денник* – бел. *загарада*, 6) рус. *прируб* – *прыбудова*; 7) рус. *мутовка* – бел. *кальчак* (палочка с разветвлениями на конце или со спиралью для взбалтывания или взбивания чего-либо; восходит к «мутовка» – *‘група лісьев, ветвей или частей цветка, расположенных на стебле на одной высоте’*).

Исходя из количественных данных, можно заключить, что различие во ВФС русско-белорусских эквивалентов центрируются именно в зоне повседневной жизни человека.

Отдельно стоит сказать о наиболее многочисленной группе «Растения». Слова, составляющие её, не могут быть всецело отнесены к лексике всеобщего употребления и, как следствие, бытовой сфере жизни. Это связано с тем, что некоторые из них являются ботаническими терминами, а остальные балансируют на границе специальной лексики и слов общеупотребительных. Данное обстоятельство можно объяснить экстралингвистическими причинами: растительный мир все меньше и меньше известен среднестатистическому человеку.

Особо интересные соотношения между словами с различной ВФ наблюдаются в тематической группе «Профессия, род занятий». С уверенностью можно говорить о том, что ядро группы составляют *nomina agentis*. Однако наименования людей, выполняющих в целом однотипные

функции, в русском и белорусском языках зачастую передаются разным способом: 1) рус. *вопленица* – бел. *плакальшчыца*; 2) рус. *живодёр* – бел. *скуралуп*; 3) рус. *убойщик* – бел. *разнік*; 4) рус. *общепитовец* – бел. *работнік грамадскага харчавання*; 5) рус. *движенец* – бел. *работнік службы руху*; 6) рус. *трубочист* – бел. *камінар*; 7) рус. *сплавщик* – бел. *плытнік*. Это явление связано с выбором иного, семантически близкого слова в качестве первого в словообразовательном гнезде (см. примеры 1, 2, 3), структурными ограничениями, которые делают невозможным образование слова по той же модели, что и в другом языке (пример 4), невозможностью образования слова с той же ВФ в связи с наличием в языке омонима (пример 5), с актуализацией иного признака в качестве основы наименования (примеры 6, 7, в которых в русской части наблюдается актуализация признака «действие», в белорусской – «объект действия»).

Различие во ВФ лексем двух языков, особенно в условиях русско-белорусского двуязычия, может быть рассмотрено как определённая дидактическая проблема. В связи с этим можно подчеркнуть не только сугубо научную ценность проведения тематической классификации лексики с различной ВФ, но и практическое значение данной классификации: она иллюстрирует, лексике из каких тематических групп стоит уделять первостепенное внимание на уроках изучения языка, использование слов из какой сферы жизни вызывает наибольшие затруднения у билингвов и изучающих белорусский язык на базе русского или наоборот.

Таким образом, тематическая классификация переводных эквивалентов русского и белорусского языков с различной ВФС не просто свидетельствует об их самобытности, но и выявляет те лексические зоны, в которых эта самобытность наиболее предсказуема.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

2. Багана, Ж. Роль тематической классификации в терминологических исследованиях / Ж. Багана, Е.Н. Таранова // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2010. – №3. – С. 46 – 49.
3. Русско-белорусский словарь: в 3 т. / под ред. А.А. Лукашанца. – 10-е изд., перераб. и доп. – Мінск: БелЭн імя Петруся Броўкі, 2012.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 707 с.
5. Роўда, І.С. Рознаўзроўневая намінатыўная адпаведнасць беларускай і рускай моў / І.С. Роўда. – Мінск: БДУ, 1999. – 172 с.